

Денис Белоногов

Президент нищих

18+

Денис Викторович Белоногов

Президент нищих

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54164375

SelfPub; 2020

Аннотация

Есть вещи настолько обыденные, что кажется ты знаешь о них все, но что если можно заглянуть в самую суть.

На кровати, под одеялом, лежал старик. Одеяло закрывало его по самые плечи, а руки были вытянуты по швам, в той манере, в которой обычно спят в почтенном возрасте. Он лежал неподвижно и безмятежно, казалось, что он не дышит, но взгляд открытых глаз, скользил по противоположной стене, следуя за завитками замысловатых обоев, словно пытаясь выбраться из их хитросплетений.

Будильник отыграл положенные ему трели, неестественно растягивая их. Тусклый зеленый свет, исходящий от символов на табло, слабо мерцал. Батарейки внутри, давно требовали замены.

Руки под одеялом вздрогнули и медленно, через силу, поднялись к плечам. Так же неторопливо они сдвинули край одеяла, открывая старческое тело в выцветшей полосатой пижаме. Через силу повернувшись на бок, старик скинул одну за другой ноги на пол и уселся на краю кровати, опираясь ладонями об упругий матрас.

Будильник снова зазвенел, замедляясь все сильнее и сильнее, пока, не издав прощальный всхлип, не затих. Рука занесенная, чтоб прервать его, вернулась обратно на матрас.

Поискав ногами тапки, лежащие под кроватью, он вставил в них ступни и устало перенес вес на ноги. С глубоким вздохом он выпрямил колени и встал, расправив затекшие плечи и спину. Медленно переставляя, шаркающие по полу, ноги, он добрался до уборной. Включил лампу, прищурившись от яркого света и зашел внутрь.

После уютного тепла постели, в туалете было прохладно, он даже поежился с непривычки. Спустив штаны до пола, он неуклюже развернулся, примериваясь к унитазу и скинув вниз стульчак, с натужным вздохом шлепнулся на него и замер. Тишину нарушал только глухой шум воды в стояке. Прошла минута, старик сидел так же неподвижно, с его лица не сходила напряженная гримаса. Наконец, слабо вскрикнув и сморщившись, он добился желаемого – слабая струйка зазвенела по небольшому озерцу на дне унитаза. С нескрываемой болью он тужился еще немного, но затем взял себя в руки, встал и заправился.

Вода из крана стекала по ладоням, от чего руки изрядно покраснели. Но кажется старик совсем не замечал этого, он внимательно смотрел на свое отражение в зеркале, так, словно не узнавал его. Выцветшие, водянистые, голубые глаза, под кустистыми стариковскими бровями, устало смотрели в ответ. Жидкие волосы, за ночь слипшиеся в неряшливые пряди, небрежно торчали в разные стороны. Дрожащей рукой он попытался придать им пристойный вид, но не добившись желаемого, оставил как есть. Он погладил ладонью небритые скулы и снова подставил руки под струю, наслаждаясь ее теплом, через руки передававшимся всему телу. Хорошенько согревшись, он открыл дверцу шкафа и достал опасную бритву, кисточку и ванночку с куском мыла. Размягчив мыло под горячей струей, он поводил по нему жесткой щетиной кисти, а затем вспенил в ванночке. Несколько

долгих секунд он медлил, а потом решительно закрыл дверцу и снова взглянул в глаза отражению. Стараясь не сводить взгляда с щетины, он взял кисточку и намылил ей подбородок и скулы. Когда пена стала достаточно густой, он отложил помазок в сторону, взял в руку опасную бритву, занес ее над скулой и замер. Рука предательски дрожала. Вцепившись свободной ладонью в подбородок, он начал осторожно скоблить лезвием грубую кожу лица, удаляя жесткие седые волоски. Побрившись, он слегка намочил висящее рядом полотенце и тщательно вытер им остатки пены, а затем придиричиво изучил свое лицо. Удовлетворившись результатом, он вымыл бритву и помазок, и убрал их в шкаф. Затем закрыл вентиль с горячей водой, подождал пока из крана побежит ледяная вода, наполнил ею ладони, сложенные лодочкой, и резко бросил их в лицо. Пальцы ныли от холодной воды, но лицо она освежала. Плеснув водой в лицо несколько раз, он взял другое полотенце и снова тщательно вытер лицо. Потом закрыл кран и еще пару минут изучал свое лицо в зеркале, словно хотел заметить пошел ли ему на пользу утренний ритуал. Нет, все те же глубокие морщины, неровный цвет лица, с тяжелыми синюшными мешками под глазами, бледной, истончившейся на скулах коже, сеткой красных сосудов во множестве выходящих на поверхность кожи. Вдоволь насмотревшись, он с омерзением во взгляде отвернулся и вышел из ванной.

Пузыри масла щелкали на разогретой сковороде. Старик

торопливо двигал упаковки в холодильнике в поисках решетки с яйцами. Когда нашел, суетливо раскрыл ее на столе, схватил лежащую поблизости вилку и расколол первое яйцо. С шипением и брызгами масла, яйцо растеклось по сковороде. Следом последовало еще два яйца. Старик равномерно размешал содержимое сковороды в импровизированную болтанку. Посолил. Затем, задумчиво, повернулся к холодильнику и стоял так несколько секунд, хмуро силясь припомнить его содержимое. Подошел к нему, открыл и извлек наружу палку колбасы. Отрезав несколько ломтиков, он старательно разложил их по поверхности яичницы с уже потерявшим прозрачность белком.

После того, как яичница приготовилась, он вытряхнул ее в приготовленную заранее широкую тарелку и поставил на обеденный стол. Достал из холодильника бутылку молока и налил в стакан. На поверхность тут же всплыли пожелтевшие сгустки свернувшегося молока. Старик поднял стакан к лицу и принялся к содержимому. Насупился, но сделал маленький глоток. Поморщился. Выплеснул молоко в раковину. Туда же последовали остатки из бутылки.

Шаркая ногами в тапках, старик подошел к входной двери и взглянул в зрачок. Снаружи никого не было. Повозившись немного с ключами, он подобрал нужный и открыл дверь. Выглянул наружу. У двери стоял черный пластиковый пакет. Он поднял его с пола, раскрыл и осмотрел содержимое.

Немного порылся и выудил из пакета бутылку молока, потом поставил пакет обратно. Слабый шум в коридоре привлек его внимание. Он сделал несколько осторожных шагов и выглянул из-за угла. На прислоненной к стене стремянке стоял мужчина. Он был одет в мешковатый синий комбинезон с множеством карманов и лямками переброшенными через плечи. В этот момент он как раз откручивал плафон настенного светильника. Лампа в светильнике моргала. Сняв плафон, мужчина слез со стремянки и аккуратно поставил плафон на пол. Затем вновь залез на стремянку, выудил из кармана платок и накинув его на лампу, чтоб не обжечься, аккуратно выкрутил и ее. После вытащил новую лампу из другого кармана и вкрутил ее в пустой цоколь. Лампа вспыхнула. Электрик крикнул от удовольствия. Затем вернул на место плафон, убрал лампочку в деревянный ящик с инструментом, что стоял рядом на полу, собрал стремянку и собрался уходить. Старик покряхтел, привлекая внимание электрика. Тот повернулся и выжидающе уставился на старика.

– Хорошо работает – сказал старик.

Электрик посмотрел на лампу, нервно дернул плечами, а затем повернулся и неторопливо зашагал по коридору.

Старик какое-то время смотрел ему вслед, а потом захлопнул дверь и вернулся на кухню.

Ополоснув стакан под холодной струей, старик вновь наполнил его свежим молоком, едва не перелив через край, а затем, вместе с нарезанными ломтями хлеба на деревянном

блюде, отнес к обеденному столу.

Устроившись за столом и взяв вилку в руки, он приступил было к трапезе, но замер и уставился на кран над раковиной. Из крана капало. Капало раздражающе часто. Он вышел из-за стола, подошел к раковине и закрыл кран плотнее. Облокотившись руками об раковину, он выжидающе навис над краном, словно хищная птица над укрытием грызуна в ожидании движения. Через несколько секунд капля снова сорвалась вниз. Старик раздосадовано затянул кран еще сильнее и вернулся за стол.

Ел он неторопливо, тщательно пережевывая пищу, как поступают люди которым в силу возраста приходится помогать своему пищеварению. Сидел неподвижно, лишь раз за разом поддевая очередной кусок вилкой, а остекленевшие глаза сосредоточено глядели куда-то в пустоту. Покончив с трапезой, он смел ладонью в тарелку оставшиеся хлебные крошки и убрал со стола посуду.

Легкие, почти прозрачные, завитки пара рассеивались над недавно вскипевшим чайником. Хозяин дома взял в руки заварник и посмотрел содержимое. Темно-янтарная жидкость с набухшими листками чая плескалась на самом дне. Покачав головой, он положил его в раковину к остальной грязной посуде, а затем открыл дверцу шкафа и достал оттуда банку со свежей заваркой. Схватив кончиками пальцев горсть сухих темных листков, он поднес их к носу и вдохнул аромат, на пару секунд закрыв глаза. Затем бросил эту щепотку

прямо в кружку и залил кипятком. Когда жидкость в кружке достаточно потемнела, старик обхватил кружку руками, добрался до кресла и устроился в нем, поставив кружку на журнальный столик, соседствующий с креслом.

Картинка резко вспыхнула на плоском экране. Новости. С бесстрастным лицом он наблюдал как сюжет сменялся сюжетом, а диктор, с видом знатока, ловко тасовал факты и вымысел. Через пару минут старик ткнул кнопку на пульте, направив его на телевизор. Экран на миг погас, а затем на смену пришла другая картинка. Там, за экраном, маленькие дети составляли из букв слова и что-то при этом оживленно обсуждали, жестикулируя. С гримасой умиления он наблюдал за мелькающей картинкой, то и дело кивая головой и двигаясь в такт мелодии из динамиков. Когда слово взял ведущий передачи, старик снова ткнул в кнопку пульта и переключил канал. На следующем канале, седой священнослужитель с сальным, одутловатым лицом обрамленным окладистой бородой, читал проповедь. Позолоченная ряса диссонировала с его словами о смирении. Его голова, в митре украшенной драгоценными камнями, раскачиваясь из стороны в сторону, как у игрушечной собачки на приборной панели автомобиля, действовала гипнотически. Старик брезгливо поморщился и снова щелкнул пультом. По сцене, охваченной полукругом рядов кресел с сидящей в них, разномастной публикой, с заметным преобладанием дородных матрон придавленных сверху высокими пышными прическами – пожалуй

самым незабываемым зрелищем на экране, расхаживал молодой телеведущий и с видом знатока о чем то увещевал зрителей в зале. Не сильно вникая в сюжет передачи, старик немного приглушил звук и снова откинулся в кресле. Насадив на самый кончик носа старые очки, в коричнево-перламутровой роговой оправе, он взял верхнюю газету из стопки, аккуратно сложенной на журнальном столике. Пролистав несколько страниц, он добрался до нужной, с кроссвордом, и стал тщательно выводить буквы в пустых клеточках, поочередно, то слюнявя кончик карандаша, то возводя глаза к потолку, и шевеля губами, будто перебирал что-то в уме. Спустя час, он исподлобья взглянул на настенные часы с крупными металлическими цифрами и отложил газету в сторону.

Нетронутая кружка стояла на столе. Чай в ней приобрел густую, непроницаемую темноту и уже давно остыл. Он сделал пару глотков и попытался подняться. Спина не разогнулась и он со вздохом вернулся в кресло. Тогда он вернул кружку на стол и опираясь ладонями на ручки кресла, сделал еще одну попытку. В этот раз ему удалось подняться, но какое-то время он стоял прихватив рукой поясницу, ожидая пока распрямятся старые кости.

В другом конце комнаты, у окна, на белом подоконнике стоял одинокий горшок с растением. В горшке, таком же старом как его хозяин, вытянулось растение. Его сочные молодые листки с розовыми прожилками у краев, чем-то напоминали листья салата, но в то же время, упругий, блестящий,

тонкий стебель цветка не оставлял сомнений в их различии. Старик взболтал заварку в стакане и выплеснул в горшок.

– Вот покушай. Тебе это на пользу – прошептал он, обращаясь к цветку и осторожно поглаживая пальцами нежные листья.

– Вы посмотрите-ка? – радостно воскликнул он, двигая оправу по переносице, чтоб разглядеть изменения произошедшие с цветком – Да у тебя бутон наклеывается.

И правда, в еще собранных в пучок верхних листках, начинало угадываться очертание бутона, а при ближайшем рассмотрении, в самой глубине, уже появились яркие алые лепестки.

– Хорошо тебе здесь, нравится. Видишь как быстро вымахал. Ну расти, расти, набирайся сил – он осторожно, стараясь не дышать, разглядывал тонкие листки.

Наконец, восхищенный, он повернул цветок будущим бутонем к свету и благоговейно отступил на пару шагов.

Глухой, мерный ход часов, словно напомнил о чем-то и растворил умиротворение на его лице. Казалось тревожные морщины снова сковали его. Он взглянул на часы. Покачал головой, словно остался недоволен нерасторопностью стрелок на циферблате и глубоко вздохнув, обошел комнату кругом. Он не останавливался до тех пор, пока часы на стене не отмеряли еще двадцать минут. И только после этого, он вернулся в кресло и с видимым удовольствием расслабился. Газета снова оказалась в его руках, а карандаш теперь парил

над новой страницей. Так он провел еще час, но теперь он все чаще отвлекался на часы или настороженно посматривал на дверь, ведущую в коридор, словно ждал чьего-то прихода.

За входной дверью слышались звуки шагов. Старик тут же отвлекся от газеты и выжидающе уставился на дверь. В скважине замка провернулся ключ. Когда дверь распахнулась, блаженная улыбка расплзлась по лицу старика. В проходе стоял крупный, высокий мужчина с чисто выбритым, квадратным лицом и короткой стрижкой. Вся его стать выдавала в нем военного или сотрудника силовых подразделений. За дверью стоял еще один, разве что чуть меньше, чем этот, но зато с каким-то неестественно узким лицом и бегающими глазами. Он постоянно озирался по сторонам, словно в любую минуту ждал нападения.

– Добрый день, Господин Президент. Нам пора – коротко произнес громила в проходе.

– Да, нам пора. День в разгаре – кивнул старик и вышел из комнаты в длинный, просторный коридор с идеально белыми стенами, позолоченными светильниками на высоком потолке украшенном лепниной. Бордовая, с золотой оторочкой, бархатная дорожка под ногами, обоюдоостро сужалась там вдалеке, в конце коридора, у массивной ореховой двери. На стенах, в резных деревянных рамах, висели картины с историческими сценами или библейскими сюжетами. Когда они подошли к двери, оба охранника, чуть вырвавшись

вперед, отварили двери перед стариком, который не снижая набранной скорости вошел внутрь.

В темной комнате куда они вошли, было несколько человек. Большинство были крепкими молодыми людьми в гвардейских мундирах с автоматическим оружием на перевес. Они занимали каждый угол этого шестиугольного помещения, находясь в тени. Одна из стен была полностью закрыта большим зеркалом без украшений. По периметру зеркала десятки маленьких ламп фокусировали свои пучки на просторном возвышении-пьедестале перед ним. Старик решительно прошел к возвышению и бодро вскочил на него.

– Приступайте – скомандовал он.

И в ответ на команду из тени вышло четыре человека. Две девушки, опрятные, с туго затянутыми в пучок волосами и в безупречных белых фартуках, чем-то напоминающие гувернанток и двое мужчин. Один, довольно плотный, коренастый, с вздёрнутыми кверху усиками и гладко зализанными волосами, а второй, высокий, с прекрасной фигурой, тонкими, изящно-благородными чертами лица и длинными ухоженными волосами, к которым он относился так, словно считал их своей гордостью.

Девушки без лишних движений, деловито и бесстрастно сняли со старика поношенную пижаму, тапки и прочие предметы гардероба и тут же исчезли в темных нишах помещения. В этот момент мужчина, что помоложе, выступил впе-

ред. Откуда не возьмись в его руках появились тонкие ножницы и расческа. На долю секунды показалось, что блеснули глаза гвардейцев, но инструменты, зависнув в воздухе над стариком на пару секунд, затем, словно палочка дирижёра, заскользили над его головой, отстригая кончики волос и ровняя их. Смачивая инструмент, жонглируя всевозможными тубиками и спрэями, он колдовал вокруг старика, буквально на глазах меняя его до неузнаваемости.

– Какое у Вас настроение сегодня? – деликатно поинтересовался второй мужчина.

– Легкая усталость. А впрочем, бодр как всегда – ответил старик уклончиво.

– Понимаю. Могу я предложить вам уютный темно-серый кашемировый костюм?

– Хмм... Не думаю. Кажется сегодня у меня важное обращение. Нужно что серьезное, уважаемое и внушающее уважение.

– Кажется я Вас понимаю. Как насчет темно-синий, строгий, шерстяной костюм?

– Покажите.

Так же бесшумно как исчезли, на свет снова вышли две девушки в передниках и на этот раз в их руках был темно-синий костюм. Они держали его в свете ламп, пока старик тщательно осматривал его.

– Да, этот подойдет.

Тучный портной утвердительно кивнул, после чего де-

вушки проворно облачили старика в этот костюм. Выверенными, аккуратными движениями портной усадил костюм на своего клиента и расправил все складки. Отпрянув на пару шагов, он задумчиво присмотрелся, а после, как и девушки до него, исчез в темноте. Когда он появился, на его локте висел малиново-красный галстук и пара титановых запонок. Он пристроил их на место и еще раз придирчиво все осмотрел. Затем, кажется весьма довольный своей работой, отошел на пару метров и застыл в ожидании.

Молодой стилист к этому моменту тоже закончил и молча, благоговейно осматривая свою работу, отступил, встав рядом с портным.

Старик сдержанно поблагодарил своих помощников и спустился с возвышения. Подойдя к небольшому шкафу с банкеткой, стоящими в тени у входа, он открыл дверь. За дверцей оказались с десятков совершенно одинаковых пар черных туфель, изящной, но без излишеств формы, с круглым, слегка оттопыренным носком и удобной невысокой подошвой. Чем-то они напоминали ботинки, которые носят военные.

Усевшись на банкетку, он выдвинул невысокую полку под верхней крышкой шкафа и извлек пару черных носков. Затем одел носки и ботинки. Тщательно, скрупулезно выверяя длину петли, он завязал шнурки и выпрямился, расправив плечи. В нем теперь уже не было ничего от того усталого старика, утром вставшего с кровати. Он снова подошел к зер-

калу и так же как и утром всмотрелся в свое лицо.

Упрямый подбородок, высокий лоб, говорящий о недюжинном уме, безусловно уложенные волосы. Тугая, как барабан, кожа лица, обтягивающая мужественные скулы. Волевой взгляд, исследовал вас резко и смело, словно скальпель хирурга. Оставшись довольным, он кивнул гвардейцу у входа и когда тот открыл дверь, Президент вышел наружу.

Суэта и шум от снующих по коридору чиновников и клерков, остался за дверями его кабинета. Гвардейцы, повсюду сопровождающие его, теперь охраняли вход снаружи. А он, пройдя через небольшую прихожую, вышел в просторный, богато украшенный зал, служивший ему кабинетом.

Лепные карнизы, украшенные деликатным золотым напылением, словно легкий румянец покрывший щеки юной девы, отделяли безусловно белый потолок от зеленых, с золотыми вензелями, обоев. Декоративные светильники на стенах, искусно выполненные в виде подсвечника, украшенного хрустальными бусами и удерживающего в золотых чашечках по пять ламп-свечей – освещали мягким, теплым светом пространство кабинета. Сквозь высокие окна, венчанные тяжелыми золотисто-зелеными портьерами, прихваченными внизу золотыми канатами и отороченные сверху изящными ламбрекенами в широкую желто-зеленую полосу, были видны кирпичные зубцы, похожие на ласточкин хвост, ровным рядом выступающие над крепостной стеной из мас-

сивного серого камня.

Тот кто еще недавно был ветхим стариком, прошел мимо длинного стола в центре зала, за которым он обычно принимал посетителей и проводил совещания, и направился к другому, меньшему по размеру, но гораздо более изысканному столу. Мраморно-белый, больше напоминающий старинное здание в миниатюре, с позолоченной лепниной, пилястрами, розетками и рельефами – это был его рабочий стол.

Он сел в уютное кресло викторианского стиля и протянул руку к светильнику на золотой стойке с абажуром изумрудного цвета. Потянув за кисточку на конце тесемки, свисавшей из под абажура, он включил светильник и отклонился в кресле, разглядывая преломление света в замысловатой мозаике абажура.

Оторвавшись от светильника, он нажал на кнопку коммутатора на одном из множества аппаратов связи, расположенных на столе слева. Тотчас же в кабинет вбежала миловидная блондинка, с выразительными, не лишенными рассудка глазами, но слишком беспокойная. Пробежав пару метров по бархатному ковру, она остановилась и слегка поклонилась, приветствуя его.

– Добрый день! Господин президент.

Он кивнул ей в ответ, после чего она просеменила на своих тонких ножках вплотную к нему и положила бумаги на стол перед ним.

– На вечер у Вас намечено важное обращение, вот его при-

близительный текст. Оно согласовано с Вашей администрацией и советниками. Кажется все в порядке.

– Хорошо, я сам посмотрю.

Отложив в сторону текст обращения, она указала на следующий документ.

– Это Ваш план мероприятий на сегодня. Разумеется мы будем корректировать его в соответствии с Вашими пожеланиями. Вкратце. Открытие центральной больницы после ремонта. Небольшая фото сессия. Заседание Госсовета, как возможность внести последние дополнения и исправления в текст обращения. Затем возвращаемся сюда и у Вас будет время подготовиться к обращению или отдохнуть. Вас устраивает?

– Да, вполне. Там видно будет.

– Хорошо. Есть еще несколько посетителей, Вы готовы их принять?

– Нет, сегодня не то настроение. Сошлитесь на мою загруженность и перенесите.

– Поняла.

– Что-то еще?

– Да. Ниже – она отложила в сторону лист с распорядком – Стандартно. Ряд документов которые необходимо подписать или резолюцию.

– Да, я посмотрю.

– Спасибо. Господин президент. Могу я что-то еще для Вас сделать?

– Нет, спасибо... А хотя... Попросите какого-нибудь гвардейца принести мне зеленый чай.

– Я могу сама.

– Нет, пусть этим займется кто-то из них. Нечего стены подпирать.

– Я все передам – улыбнулась она и кивнула.

Девушка отступила назад на несколько шагов и только убедившись, что он потерял к ней всякий интерес, сосредоточившись на бумагах разложенных перед ним, развернулась и поспешно выбежала за дверь.

Как только дверь за секретаршей закрылась, он отбросил бумаги в сторону и протянув руку взял одну из трубок телефонных аппаратов.

– Видел тебя в новостях. Что за околесицу ты нес? – спросил он в трубку, ни мало не интересуясь слышат ли его на том конце.

Судя по произвольным кивкам головы президента, на том конце трубки кто-то старательно оправдывался.

– Я тебя понял – сказал он, когда голос на том конце затих – В следующий раз думай, что говоришь, ты бросаешь тень на мое доброе имя – произнес он, чеканя каждое слово, а после вернул трубку на место. Пока трубка описывала дугу к телефонному аппарату кто-то на том конце, еще пытался торопливо объясниться.

Он посмотрел на часы. Прошла лишь пара минут. Время шло неторопливо. Он несколько раз щелкнул выключателем

света, услужливо установленным поблизости от стола. Посидел еще немного. Попробовал придать новый порядок предметам на столе.

Наконец, отстраненно, отогнул угол титульного листа его вечернего обращения и пробежал по нему глазами. Погладив пальцами складки, собравшиеся на его лбу, он откинул лист, схватил карандаш и облокотившись локтем на стол, начал внимательно изучать текст на странице, время от времени черкая или внося изменения быстрым почерком.

Хватило его не на долго. Осилив пару страниц, он вдруг подумал, что все, что они пишет кажется ему знакомым не случайно. Он не первый раз произносил эти слова, они стали его мантрой. Из года в год повторял он их с экрана. И только сейчас неожиданно понял, что так складно написанные, с таким воодушевлением озвученные, они так и не стали реальностью, не обрели воплощение. Он не увидел результатов своих заявлений. Они так и не подкрепились делом. Карандаш завис над листом в нерешительности. Испарина покрыла шею, под воротником. Он остановился на вдохе, словно окружающий его воздух внезапно стал густым и удушливым. В этот момент ему страстно захотелось ощутить свежий воздух, вдохнуть его полной грудью. Открыть окно, распахнуть его во всю ширь и вдыхать. Наслаждаться влетающим в помещение ветром, разбрасывающим листы бумаги со стола. Он даже хотел подойти к окну и рвануть его, так силен был порыв. Но вовремя сообразил, что служба охра-

ны не только не приветствует это, но и полностью исключила такую возможность. Массивные рамы окна были глухими. Он расстегнул верхнюю пуговку на воротнике. Откинулся в кресле и попытался воспроизвести то ощущение, проникнуться атмосферой комнаты с открытыми настежь окнами. Он глубоко вдохнул. Воздух был чистым. Даже идеальным. Идеальная температура, безупречный состав, никаких посторонних запахов, никаких примесей. Есть даже слабое дуновение воздуха. Легкий шелест в узких вентиляционных решетках, свидетельствовал о том, что климатическая система в полном порядке. Но ощущение духоты не отступало. Он встал, несколько раз присел, насколько позволили старые негнущиеся кости. Подошел вплотную к стене, под одну из решеток и стоял, вдыхал выходящий от туда слабый поток. Невыносимо. Это совсем не то. Он вернулся в свое кресло и попробовал поработать над речью. Духота не отступала. Голова стала немного гудеть. Мерзкое недовольство прилипло и не давало работать. Нужно себя заставить. Это его работа. Усилием воли он снова вернул себя к работе над документами, к его речи. Это позволит отвлечься и выбросить из головы эти глупости о свежести и ветре.

Он наклонился над столом и снова уставился на текст. Прочитал несколько предложений, что-то зачеркнул. Буквы постепенно набухали, размываясь перед глазами, затем их линии снова сжимались, обретая резкость. Он положил руку на лист, пытаясь прижать его, чтоб буквы не разбредались.

Это помогло. Дописал пару предложений. Кажется довольно смелых и от того, таких неожиданных. Карандаш остановился на бумаге, не завершив букву. Рука стала невыносимо тяжелой. Хотелось встать, сделать что-то, отбросить сон. Если сейчас не справиться с дремой, то она поглотит его. Он тряхнул головой и довел букву. Но столкнулся с новой напастью. О чем он хотел написать, когда начал предложение? По его началу совсем не понятно. Он вернулся на пару предложений назад и попробовал проследить ход своей мысли. Вспомнил. Немного поиграв со словами, выдал, наконец, законченное предложение.

Он снова и снова терял мысль, а через несколько секунд приходил в себя, сообразив, что задремал. Вышел из-за стола. Сделал несколько кругов вдоль стен кабинета. Подошел к зеркалу, дотошно осмотрел себя. Безупречно. Снова вернулся и принялся за работу.

Секретарша подошла к двери за которой сидел ее начальник. Оба гвардейца буднично смерили ее взглядом и вновь устали перед собой. Он вопросительно кивнула одному из них.

- Вы ему чай приносили, как я просила?
- Мы сообщили куда следует.
- И они принесли?
- Кроме тебя больше никто не приходил.
- Понятно, как всегда. Сейчас вернусь с чаем.

В ответ гвардейцы лишь переглянулись, ухмыляясь во весь рот.

– Что вы скалитесь? – встрепенулась она – Он что? Снова...?

– Грубить не обязательно – огрызнулся тот, к кому она обращалась.

– Дайте войти – наступала секретарша.

– Зачем тебе? – не унимался гвардеец.

– У него много дел – ответила она с вызовом и немного раздраженно.

Гвардеец нехотя поднес рукав к лицу и негромко проговорил в кулак. Несколько секунд он внимал тому, что ему сообщали в микрофон вставленный в ухо. Его невидящий взгляд блуждал по коридору, а голова машинально кивала, усваивая сказанное. Наконец он вновь взглянул на секретаршу, словно оценивая.

– Ну заходи – немного уязвленный, он вытянул обе руки, с наигранной учтивостью указывая на дверь.

Секретарша осторожно открыла дверь и тихонько, на носках, проскользнула в образовавшуюся щель. В кабинете было тихо. За столом, в кресле, откинувшись назад, сидел Президент. С первого взгляда могло показаться, что он совершенно недвижим. Короткими, скользящими, бесшумными шагами она подошла к нему очень близко и прислушалась. В тишине комнаты она едва улавливала слабый, хриплый звук дыхания. Она подвинулась еще ближе, практически вплот-

ную поднеся ухо к его лицу. Теперь размеренное дыхание было слышно гораздо лучше. Через несколько секунд она почувствовала, что слабая испарина от дыхания увлажнила ее щеку. Не меньше минуты она прислушивалась, пытаясь оценить похоже ли его дыхание на дыхание здорового человека, с некоторой поправкой на преклонный возраст. Удовлетворенная, она выпрямилась, посмотрела в ту сторону, где должна была быть скрытая камера и кивнула. Никакой ответной реакции не последовало. Впрочем она была уверена, что за ней пристально наблюдают и этот сигнал не остался без внимания. Ну что же, раз сейчас ничего не получится, она вернется к нему позже. Бесшумно паря над полом она пробежала до другого края кабинета, где за массивной ширмой располагался шкаф с необходимыми в быту принадлежностями и извлекла от туда смотанный плед. Вернувшись обратно, она заботливо накрыла пледом ноги Президента. От чего он еще больше стал похож на старика в кресле-качалке, мирно спящего на лужайке у собственного дома.

Отстранившись, она еще раз внимательно посмотрела на него. На миг на ее лице отразилось что-то вроде отвращения и жалости, одновременно. Но она быстро совладала с собой и ее лицо снова приобрело обычное выражение почтительности. Легким движением пальцев она поправила прядь волос на его голове и перевела взгляд на документы на столе, что она принесла ранее. Они так и остались не тронуты. Она взяла листы с речью, единственное свидетельство того, что он

что-то делал. Пробежалась взглядом по его исправлениям, время от времени качая головой. А затем, так же бесшумно как и прежде, проскользнула к одной из дверей встроенных шкафов, открыла ее, и по очереди спустила листы в прожорливый зев шредера, находящегося внутри шкафа. После, вытащила из под шредера пакет, наполненный тонкими белыми полосками и осмотревшись по сторонам, словно хотела убедиться, что ничего не оставила, покинула кабинет.

Прошло около часа, с момента как он уснул. Старик пошевелился. В тот же момент, в кабинет, бесшумно как тень, влетел гвардеец и аккуратно снял плед с колен Президента. А затем, так же бесшумно выскользнул из кабинета. Некоторое время старик сидел с закрытыми глазами как будто пытался вырваться из объятий сна. Затем открыл глаза и огляделся, словно с трудом понимал, где находится. Рассеяно перебрал документы на столе, но видимо так ничего для себя и не выяснив, встал с кресла и несколько раз молодежavo размялся. Выглядел он при этом очень бодро и решительно.

В дверь негромко постучали. Воспользовавшись небольшой паузой, что произошла между стуком и моментом когда дверь открылась, он вновь сел в кресло и взял в руки документы. Напустил вид, словно заработавшись не заметил, что кто-то вошел в кабинет. Для этого он выдержал паузу и только когда секретарша подошла вплотную, поднял голову и сделал вид, что ее появление стало для него полной нежиз-

данностью.

– Господин Президент – сказала она – Хотите что-бы подали обед? Вам следует подкрепиться, впереди много дел.

– Да, пожалуйста. Я готов немного перекусить. Заработался и не заметил как пролетело время. Вот всегда так со мной – ответил он виновато улыбаясь.

– Хорошо. Через две минуты все будет готово. Затем у нас запланировано торжественное открытие госпиталя.

– Хорошо. Это дело нужное – ответил Президент.

Через пару минут действительно принесли еду. Секретаршу ухаживала за ним, меняя одно блюдо другим, предугадывая возможные пожелания и всячески помогая. Наконец, когда с основными блюдами было покончено, он попросил подать чай.

– А ведь эти солдатики так и не принесли мне чай – пожаловался он.

– Знаю. Я им уже высказала.

– Это хорошо. Без раскочки совсем не могут.

В кабинет постучали. Секретарша подошла к двери и скрылась за узкой щелью.

Старик, вытянув шею, нетерпеливо высматривал куда она пропала.

Наконец дверь распахнулась шире и вошла секретарша с подносом в руках.

Подойдя к столу она поставила поднос перед Президен-

том, а затем взяла чайник и налила янтарный напиток в кружку.

По стариковски причмокивая от удовольствия он пил горячий чай и морщился, когда тот обжигал ему губы. Все это время секретарша стояла на почтительно расстоянии от него, стараясь не находиться в его поле зрения. Закончив с чаепитием, он откинулся в кресле и довольно пробурчал.

– Я готов. Что у нас по плану? Куда едем?

– Сейчас я вам все расскажу – сказала секретарша и достала папку в кожаном переплете.

Группа охранников вела его коридорами через которые они шли к подземной парковке под дворцом. С этой парковки кортеж Президента всегда покидал дворец. Это было довольно неудобно, ведь он мог бы просто спуститься на крыльцо по винтовой лестнице через огромный зал приемов, но таков был протокол и от него никогда не отступали. Шли быстрым, размашистым шагом, так быстро, что секретарша на своих тоненьких ножках обутой в туфли на длинном каблуке, едва поспевала за ними и судя по ее сбившемуся дыханию так и не приноровилась к такому темпу. Сам Президент, на удивление, выглядел бодрым и даже сам задавал шаг. Бесчисленные повороты коридоров, сотни однотипных дверей. Даже спустя столько лет, Президент не уставал поражаться какой же большой этот дворец. Впрочем не удивительно, он не был и в четверти этих кабинетов. Да что там, в четверти

коридоров. И в конце каждого коридора была дверь. Дверь с кодовым замком, постоянно закрытая, с парой охранников перегораживающих проход. Как только очередная делегация или сотрудник дворца подходили, они должны были предъявить пропуск с фотографией, по которой их идентифицировали охранники, а затем еще и приложить этот пропуск к считывателю над кодовой панелью, а затем ввести индивидуальный пароль. Только если все подходило, лампочка над дверью меняла цвет с красного на зеленый, на короткие несколько секунд, чтоб через эту дверь можно было пройти и какие же тебя ждали неприятности, если она начинала интенсивно мигать.

Президент, в окружении охранников, подошел к одной из таких дверей. Клерк, отвечающий за протокол, уже заблаговременно забежал вперед, чтоб к моменту прохода свиты во главе с Президентом, дверь была открыта. Но в этот раз что-то пошло не так и лампа, которая обычно приветственно горела зеленым, теперь запрещала проход, мерцая красным огнем. Кортёж остановился. Охранники недоуменно переглядывались. Ответственный за протокол о чем-то оживленно спорил с гвардейцами на входе, а те растерянно разводили руками не в силах объяснить происходящее.

– Что случилось? – спросил Президент.

– Разбираемся, Господин Президент – виновато ответил начальник протокола – Дверь заклинило, не открывается.

– Может что-то неправильно ввели?

– Нет, уже сто раз проверили – развел руками клерк.

– Ну так откройте ее ключом.

– Не положено, Господин Президент. Ключа нет. Это сверхсовременная, сверхнадежная дверь. Ее невозможно взломать. Лучшие ученые страны спроектировали ее.

– И что же? Они не предусмотрели в ней ключ?

– Они решили, что ключ – это уязвимость, ведь его можно подделать.

– Понимаю – растягивая буквы произнес он – А я люблю ключи. Они надежные. Вставил, покрутил и открыл.

– Извините, Господин Президент, мы работаем над решением проблемы.

– Ну что же, подождем – нахмурился Президент.

И после некоторой паузы:

– А мы не можем обойти?

Охранники напряженно переглянулись.

– Это не принято – отозвался тот, что постарше, начальник группы сопровождения.

– Ну что же. Не принято, значит не принято. Подождем.

И Президент начал деловито разглядывать завитки лепнины на потолке.

Его охрана, тем временем, напряженно раздумывала как им поступить. В осторожных взглядах, что они бросали друг на друга, сквозила, несвойственная им обычно, неловкость. Впрочем, особо расторопные уже вызывали по внутренней связи начальника повыше, что смог бы принять решение как

им следовало поступить. После десяти минут оживленных переговоров по внутренней связи, причем, кроме того, кто на том конце принимал решение, все остальные участники разговора находились в одном месте и вполне могли обойтись без гарнитур, старший наконец сказал:

– Мы получили «зеленый свет». Идем в обход. Ситуация нештатная – всем быть начеку.

И уже после, он обратился к руководителю протокола, который, похоже, сам напитался светом от мигающей красной лампы и теперь, совершенно пунцовый и потный, ждал развязки.

– Куда нам идти?

Тот в ответ лишь захлопал глазами. А когда взгляды всех без исключения вперились в него, ожидая ответа, он не нашел ничего лучше как самому перейти в наступление:

– Почему мне знать? Я руководитель протокола. А здесь мы отступаем от протокола. Это вне моих полномочий и компетенций.

Теперь уже охранники виновато переглядывались и снова обратились ко внутренней связи. После непродолжительных переговоров видимо нашелся человек, который вооружившись картой, стал давать указания куда двигаться группе.

Сначала им пришлось вернуться назад, к одной из ничем не примечательных дверей без подписи. К удивлению охраны, некоторые из них даже удивленно хмыкнули, за дверью оказался коридор. Стены его были покрыты крашеной

штукатуркой и вдоль них шли разнообразные трубы и лотки с кабелем. В конце коридора была обычная дверь со стеклянным окошком. Одного из охранников отправили вперед. Он осторожно подкрался, заглянул в окошко, затем посигналил группе, что все в порядке и можно продолжать движение. Контраст коридора с прочими интерьерами дворца, надо сказать, удивил всех, они озадаченно смотрели вокруг, им трудно было представить, что по среди такого блеска и роскоши, так близко от них, может быть вполне заурядный коридор коих много в школах и поликлиниках какой-нибудь глубинки. За дверью оказался еще один коридор, внешне такой же. Так, коридор за коридором, они двигались через здание. На перекрестках коридоров группа останавливалась и по внутренней связи запрашивали куда им двигаться дальше. А раз продвигались они медленно, то появилась возможность чуть внимательней приглядеться к своим попутчикам. Секретарша выглядела порядком испуганной, наверно так, в кошмарах, она представляла кабинеты в администрациях на окраинах страны. Она крепко прижимала папку с бумагами к груди и старалась держаться поближе к самому крупному из охранников. Остальные, если и не подавали виду, в силу профессиональных наклонностей, но все же были заметно напряжены и подавлены. В службе, где все замешано на тотальном контроле, так сложно примириться с непредсказуемым развитием в неожиданном месте. Охранники выглядели не так уверенно как обычно. Разговоров не вели и пре-

имущественно молчали. Наконец, после продолжительного плутания по коридорам, когда несколько раз пришлось вернуться назад, чтоб попробовать другой путь, так как данные с карты не совсем совпадали с реальным положением дел, а пара проходов так и вовсе были заварены металлическим листом с наклеенным поверх, пожелтевшим клочком бумаги с печатью, гласившим, что проход закрыт по причине постановления за номером таким-то. По иронии, подпись на этом клочке бумаги принадлежала начальнику группы сопровождения, что обратило на него несколько недобрых взглядов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.